



АРТУР КОНАН
ДОЙЛЬ

МАРАКОТОВА
БЕЗДНА



Артур Конан Дойл

Маракотова бездна

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дойл А.

Маракотова бездна / А. Дойл — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Маракотова бездна» - научно-фантастический роман великого английского писателя Артура Конан Дойла (англ. Arthur Conan Doyle, 1859-1930).

***Экспедиция профессора Маракота достигает глубин Атлантического океана в аппарате, напоминающем батисферу. На дне океана ученые находят город, населенный потомками некогда могучей цивилизации... Артур Конан Дойл – всемирно известный создатель блестящего сыщика Шерлока Холмса, его зловещего противника Мориарти и ученого-оригинала Челленджера.

© Дойл А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Артур Конан Дойль

Маракотова бездна

Глава 1

Поскольку эти бумаги были вручены мне для подготовки их к печати, я начну с напоминания публике о печальной гибели парохода «Стрэтфорд», который отправился год назад в плавание с целью изучения океанографии и глубоководной жизни. Экспедиция была организована доктором Маракотом, знаменитым автором «Псевдокоралловых образований» и «Морфологии пластинчатожаберных». С доктором Маракотом на борту был мистер Сайрес Хедли, в прошлом ассистент Института зоологии в Кембридже, Массачусетс, на момент экспедиции – студент Оксфорда, стипендиат Родса. Капитан Хоуи, опытный мореплаватель, стоял во главе этого корабля с командой из двадцати трех человек, среди которых был механик-американец из «Меррибэнк Уоркс», Филадельфия.

Вся эта компания исчезла практически бесследно; единственную весть об этом злополучном пароходе можно было найти только в рапорте одного норвежского барка, экипаж которого видел, как какой-то корабль, очень похожий по описанию на исчезнувший, пошел ко дну во время сильного шторма осенью 1926 года. Вблизи места трагедии позже нашли спасательную шлюпку с надписью «Стрэтфорд», несколько палубных решеток, спасательный круг и рангоут. Это, наряду с длительным отсутствием каких-либо вестей, казалось, полностью убеждало в том, что об этом корабле и его команде никогда уже никто ничего не услышит. Уверенности в его злополучной судьбе прибавила странная радиограмма, полученная в то время, текст которой, местами непонятный, оставлял мало места для сомнений. Его я приведу позднее.

С подготовкой экспедиции «Стрэтфорда» были связаны некоторые странности, вызывавшие толки в то время. Одной из них была необычная секретность, соблюдаемая профессором Маракотом. Его нелюбовь и недоверие к Прессе были широко известны, однако в этом случае они доходили у него просто до крайности, когда он не только не желал сообщить хоть что-нибудь репортерам, но и не разрешал представителю ни одной газеты ступить на борт корабля в течение всего многонедельного стояния в доке Элберта. Ходили слухи о корабле какой-то совершенно необычной и принципиально новой конструкции, благодаря которой он сможет работать в глубинах океана, и слухи эти подтверждали на верфи Хантера и компании, что в Западном Хартлпуле, где, собственно, эти конструкционные изменения и воплощались в жизнь. Однажды распространилась новость, что у этого корабля все днище отделяется, и это привлекло тогда внимание страховщиков Ллойда, которых удалось, хоть и с некоторым трудом, успокоить по поводу безопасности этого новшества. Новость эта вскоре была забыта, однако обрела важность сейчас, когда к судьбе экспедиции еще раз было привлечено внимание публики таким необычным способом.

Вот все, что можно сказать о том, как начиналось плавание «Стрэтфорда». Сейчас имеется четыре документа, в которых изложены факты, насколько они известны. Первый – письмо, которое было написано мистером Сайресом Хедли из столицы Гран-Канарии своему другу сэру Джеймсу Тэлботу из Тринити колледжа, Оксфорд, при единственном, насколько известно, удобном случае, а именно, когда «Стрэтфорд» причалил к берегу после выхода из Темзы. Второй – эта странная радиограмма, о которой я уже упоминал. Третий – это та часть судового журнала «Арабеллы Ноулс», которая касается стекловидного шара. Четвертый и последний – это поразительное содержимое той коробки, которое либо представляет собой весьма жесткую и сложную мистификацию, либо открывает новую главу в человеческом опыте, важность которой невозможно переоценить. Сказав все это в качестве предисловия, я теперь приведу

вам письмо мистера Хедли, которым располагаю благодаря любезности сэра Джеймса Тэлбота, и которое ранее не публиковалось. Оно датировано 18-м октября 1926 года.

Я пишу тебе это письмо, мой дорогой Тэлбот, из Порты де ла Лус, в которую мы зашли на несколько дней, чтобы отдохнуть. Моим главным собеседником, составлявшим мне компанию во время плавания, был Билл Скенлен, главный механик, который, будучи моим соотечественником и человеком очень занимательным, естественным образом стал и моим приятелем. Однако сегодня утром я в одиночестве, так как у него – «свидание с юбкой», как он это называет. Дело в том, что он разговаривает именно таким языком, какой ожидают англичане от каждого настоящего американца. Его бы они запросто приняли за американца, причем чистокровного. Мое нежелание давать им хотя бы намек, чтобы они думали, будто я англичанин, заставляет меня «полагать» и «считать», когда я общаюсь с моими друзьями-англичанами. Я убежден, что они никогда бы не догадались, что я – янки, если бы я этих слов не произносил. Однако с тобой я не в таких отношениях, поэтому с самого начала хочу тебя заверить, что ты не найдешь ничего, кроме чистого Оксфорда, в том послании, которое я сейчас пишу тебе.

Ты встречался с Маракотом в «Митре», поэтому знаешь уже, какой он «сухарь», причем заплесневелый. Кажется, я уже говорил тебе, как получилось, что он выбрал меня для этой работы. Он обратился с запросом к старику Сомервиллю из Зоологического института, который послал ему мой отмеченный наградой доклад о пелагических крабах, и это решило все дело. Нет, это, конечно же, просто великолепно – отправиться на такое близкое моим научным интересам задание, но только не с такой анимированной мумией, как Маракот. У него какое-то нечеловеческое стремление к самоизоляции и нечеловеческая же поглощенность своей работой. «Чемпион мира по занудству», – говорит о нем Билл Скенлен. И все же нельзя не восхищаться такой полной самоотдачей. Для него не существует ничего, кроме его науки. Помню, как ты смеялся, когда я спросил его, что мне нужно прочитать, чтобы подготовиться к моей будущей работе, а он ответил, что в качестве серьезного исследования я должен прочесть собрание его собственных трудов, а в качестве развлечения – труды Геккеля о планктоне.

Я знаю его сейчас отнюдь не больше, чем тогда, в той малой гостиной с окнами, выходящими на Оксфорд-стрит. Он ничего не говорит, а его вытянутое, строгое лицо, как у Савонаролы, или, скорее, как у Торквемады, никогда не смягчается до добродушного. Длинный, тонкий, задиристый нос; пара маленьких, сверкающих серых глаз, близко посаженных под соломенной крышей из густых бровей; тонкие, постоянно сжатые губы, впалые щеки, изможденные от постоянных мыслей и аскетической жизни, – все это выглядит совершенно не компанейски. Он живет на какой-то интеллектуальной вершине вне досягаемости простых смертных. Иногда мне кажется, что он немножко сумасшедший. Взять, к примеру, хотя бы этот странный аппарат, который он сконструировал... но я не буду забегать вперед – расскажу тебе все по порядку, и тогда ты сможешь сам обо всем судить.

Я расскажу тебе о нашем плавании с самого его начала. «Стрэтфорд» – прекрасный мореходный небольшой корабль, специально приспособленный для целей экспедиции, водоизмещением в тысячу двести тонн, с чистыми палубами, достаточно широкий, оснащенный всевозможными приспособлениями для зондирования, трала, дноуглубления и буксировки сетей. Конечно же, на нем есть мощные паровые лебедки для буксировки тралов, и еще множество других самых разных приспособлений, как достаточно знакомых, так и тех, чье назначение неясно. Под ними размещены удобные каюты с хорошо оснащенной лабораторией для наших специальных исследований.

Еще до нашего отплытия наш корабль называли «кораблем-загадкой», и я вскоре убедился, что не зря. Начало нашего плавания было достаточно обычным. Мы отошли немного вглубь Северного моря и раза два забросили наши тралы, но, поскольку средняя глубина здесь немногим более шестидесяти футов, а мы специально оснащены для глубоководной работы, это показалось довольно-таки пустой тратой времени. Так или иначе, кроме известных видов

рыбы, налима, кальмаров, медуз и некоторых терригенных донных отложений обычной аллювиальной глины и ила, мы не нашли ничего, о чем стоило бы писать в письме домой. Затем мы обогнули Шотландию, прошли вблизи Фарерских островов и вышли к гряде островов Вайвилля-Томпсона, где нам повезло больше. Оттуда мы проделали путь на юг, к нашему району плавания, который находится между побережьем Африки и этими островами. Одной безлунной ночью мы чуть не сели на мель у ФуэртеVENTУРЫ, но, кроме этого, никаких иных происшествий на нашем пути не было.

В течение этих первых недель плавания я пытался завязать дружбу с Маракотом, но это оказалось задачей очень непростой. Прежде всего, он самый отрешенный и рассеянный человек в мире. Ты, наверно, помнишь свою улыбку при виде того, как он протягивает пенни мальчику-лифтеру, думая, что заходит в трамвай, а не в лифт. Половину времени своего бодрствования он погружен в свои мысли, причем настолько, что, похоже, едва отдает себе отчет в том, где находится или что делает. Затем – и это во-вторых, – он скрытен до крайности. Он постоянно работает над документами и графиками, которые быстро перемешивает и убирает со стола, когда я, бывает, случайно захожу в каюту. У меня сложилось твердое убеждение, что у этого человека есть какой-то тайный замысел, но до тех пор, пока мы не причалим к какому-нибудь порту, он его не раскроет. Такое впечатление сложилось у меня, и я вижу, что и Билл Скенлен придерживается того же мнения.

– А скажите, мистер Хедли, – обратился он ко мне однажды вечером, когда я сидел в лаборатории и проверял на соленость пробы воды, добытые в результате наших гидрографических исследований, – какое ваше мнение, что у этого человека на уме? Как вы считаете, что он намерен делать?

– Думаю, – ответил я, – мы сделаем то же, что сделали и «Челленджер», и дюжина других исследовательских кораблей до нас: добавим еще несколько видов рыб к уже имеющемуся списку, и нанесем еще несколько надписей на батиметрическую карту морского дна.

– Ничего подобного! – сказал он. – Если вы на самом деле так думаете, подумайте еще раз. Прежде всего, скажите, для чего я здесь?

– Ну, на случай, если что-то поломается в механике, – предположил я.

– Механика тут ни при чем! Бортовая механика находится в ведении Макларена, шотландского инженера. Нет, сэр, не для того ребята из «Меррибэнк» согласились отпустить своего лучшего специалиста, чтобы следить за работой паровой донки. Если я получаю пятьдесят баксов в неделю, то это неспроста. Пойдемте, я покажу вам что-то...

Он достал ключ из кармана и открыл им какую-то дверь в конце лаборатории; мы спустились по сходному трапу в какую-то секцию трюма, очищенную по всей ширине от груза, кроме четырех больших блестящих предметов, наполовину проглядывающих из-под соломы, которой были заполнены огромные упаковочные ящики с ними. Это были плоские листы из стали с множеством болтов и заклепок вдоль кромок. Каждый лист был площадью около десяти квадратных футов и толщиной полтора дюйма с круглой дырой диаметром восемнадцать дюймов посередине.

– Что это, черт побери? – спросил я.

На лице Билла Скенлена, и без того странном (лицо у него – всегда нечто среднее между лицом водевильного комика и профессионального боксера), изобразилась ухмылка при виде моего удивления.

– Вот оно, мое детище, сэр, – сообщил он. – Да, мистер Хедли, это и есть то, ради чего я здесь. У этой штуковины стальное дно. Оно – вон в том большом ящике. Потом крышка, немного выпуклая, и большое кольцо для цепи или веревки. Теперь посмотрите сюда, на днище корабля».

Там была квадратная деревянная платформа с торчащими по углам болтами, из чего было ясно, что она съемная.

– Это двойное дно, – сказал Скенлен. – Одно из двух: или этот парень просто сумасшедший, или у него на уме что-то еще, чего мы не знаем, но, если я правильно читаю его мысли, он хочет построить что-то типа каюты (окна хранятся здесь) и спустить ее под корабль через днище. У него здесь есть электрические прожекторы, и я считаю, что он планирует светить ими через эти круглые отверстия и наблюдать за тем, что происходит вокруг.

– Для этого он вполне мог вставить в днище оконное стекло, как у лодок на острове Каталина, если это все, что было у него на уме, – сказал я.

– Хм, а вообще, может, вы и правы, – сказал Билл Скенлен, почесав затылок. – Просто мне все это кажется очень странным и непонятным. Единственное, в чем я уверен, так это в том, что меня отправили сюда выполнять его распоряжения и делать все, что в моих силах, чтобы помогать ему с этой чертовой штуковиной. Пока еще он не сказал мне о ней ни слова, и я тоже молчал, но с этих пор я начну активно собирать информацию, и я твердо намерен узнать все, что только можно о ней узнать, даже если на это потребуется много времени.

Так мне впервые удалось прикоснуться к нашей загадке. После того нас накрыла непогода и потрепал немного шторм, а когда он закончился, мы приступили к работе: прошлись немного глубоководным тралом на северо-запад от мыса Юби, вдоль самой границы материковой отмели, и сделали замеры температуры и солености. Вообще, это очень увлекательное занятие – тянуть этот глубоководный трал Петерсона с шириной зева в двадцать футов, захватывающий все, что попадает у него на пути и приносящий каждый раз разные уловы, когда тянешь его на разной глубине: на глубине четверти мили он приносит тебе один улов, а опустишь его на глубину в полмили – и достанешь уже совсем другой улов; каждый слой океана имеет своих обитателей, и слои эти, как и их обитатели, отличаются друг от друга так же, как материки. Иногда со дна мы доставали до полутонны прозрачных розовых медуз, этого сырого живого материала, а иногда – полный ковш птероподового ила, распадавшегося под микроскопом на миллионы мельчайших круглых сетчатых телец, кишящих в аморфном иле. Я не буду утомлять тебя перечислением всех этих бротулидов и макруридов, асцидий, голотурий, мшанок и иглокожих: просто поверь, что море богато на урожай и что мы – жнецы очень старательные. Однако все это время меня не покидало чувство, что сердце Маракота не было отдано до конца этой работе и что совсем другие планы гнездились в этом необычно высоком и вытянутом кверху, как у египетской мумии, лбу. Все происходившее казалось мне некой проверкой людей и техники перед тем, как начнется настоящее дело.

Дописав письмо до этой фразы, я вышел на берег, чтобы пройтись по острову в последний раз, так как мы отплываем завтра рано утром. И, наверно, я хорошо сделал, что вышел, так как не было конца тому скандалу, который бушевал на пирсе вокруг Маракота и Билла Скенлена. Билл – немного задиристый малый, и обладает, как он говорит, «отменным ударом в обоих перчатках», но в окружении полдюжины дагонов с ножами дело обретало довольно скверный оборот, так что мне пора было вмешаться. Доктор, похоже, нанял один из тех экипажей, которые они называют кэбами, и проехал на нем пол-острова, изучая его геологию, но совершенно забыл при этом взять с собой деньги. Когда пришло время расплачиваться, он не смог объяснить это здешним аборигенам, и кэбмен выхватил у него часы в качестве залога. Это заставило вмешаться Билла Скенлена, так что очень скоро они оба оказались бы лежащими на полу со спинами, напоминающими подушки для игл, если бы я не расплатился с кэбменом, накинув доллар или два сверху и сунув пятидолларовую бумажку парню с фингалом под глазом. Таким образом, инцидент был исчерпан, и Маракот в тот момент показался мне более человечным, чем когда-либо до этого. Когда мы взойшли на корабль, он позвал меня в маленькую каюту, которую он держит для себя, и поблагодарил меня.

– Кстати, мистер Хедли, – сказал он, – как я понимаю, вы человек неженатый?

– Нет, – ответил я, – я не женат.

– И вам никого не нужно содержать?

– Никого.

– Очень хорошо! – сказал он. – Я ничего не говорил до сих пор о цели этого плавания, потому что хотел сохранить его в секрете, и у меня были на то свои причины. Одна из этих причин состояла в том, что я боялся, что меня опередят. Когда твои научные планы получают огласку, тебя могут обойти так же, как Скотт обошел Амундсена. Если бы Скотт держал свой язык за зубами, как это делаю до сих пор я, тогда он, а не Амундсен, пришел бы первым к Южному полюсу. В моем случае я имею перед собой не менее важную цель, чем Южный Полюс, поэтому я хранил до сих пор молчание. Но сейчас, когда мы стоим на пороге нашего великого приключения, ни один конкурент просто не успеет украсть у меня мои планы. Завтра мы отправляемся к нашей настоящей цели.

– И что это за цель? – спросил я.

Он наклонился вперед; его лицо аскета буквально горело энтузиазмом фанатика.

– Наша цель, – сказал он, – дно Атлантического океана.

И вот на этом месте я должен остановиться и сделать паузу, так как думаю, что и у тебя захватило дух, как это было со мной. Если бы я был мастером рассказа, думаю, на этом я бы завершил свое повествование, но, поскольку я всего лишь веду хронику событий, могу сообщить тебе, что я задержался в каюте старины Маракота еще на целый час, и что я многое узнал, о чем рассказать тебе у меня как раз есть время до отхода последней береговой шлюпки.

– Да, молодой человек, – сказал он, – теперь можете писать об этом свободно, так как к тому времени, когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже выполним погружение.

Сказав это, он стал хихикать, так как у него странное чувство юмора, наверное, такое же сухое, как и он сам.

– Да, сэр, погружение – это самое подходящее в данном случае слово, и погружение это будет историческим, так как попадет в анналы Науки. Прежде всего, позвольте сообщить вам, что я совершенно убежден в том, что нынешняя теория о чрезмерном давлении океана на больших глубинах полностью ошибочна. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, которые нейтрализуют этот эффект, хотя я еще не готов сказать, какие это могут быть факторы. Это одна из задач, которую нам, может быть, удастся решить. И потом, могу я спросить, как вас научили, какое давление следует ожидать под столбом воды высотой в одну милю? – Он пристально посмотрел на меня через свои большие роговые очки.

– Не менее тонны на квадратный дюйм, – ответил я. – И это было достаточно ясно показано.

– Задачей первопроходца всегда было опровергать то, что было ясно показано. Пошевелите мозгами, молодой человек. Вот вы целый месяц постоянно вылавливали тралом придонные формы жизни, и некоторые из них были настолько нежные, что вам едва удавалось переместить их из сети в бак, не повредив их чувствительных телец. Вы нашли на них хотя бы один какой-нибудь признак существования этого экстремального давления на глубине?

– Давление, – сказал я, – уравнивается. Оно внутри них такое же, как снаружи.

– Слова, пустые слова! – вскричал он, нетерпеливо качая своей вытянутой головой. – Вот вы доставали наверх круглую рыбу, такую, как *Gastrostomus globulus*. Разве она не сплюснлась бы, если бы давление на глубине было такое, как вы думаете? Или взгляните на распорные доски наших тралов: они остаются неприжатыми друг к другу у горловины трала.

– Ну, а опыт водолазов?

– Безусловно, он убедителен, но лишь в некоторой степени. Да, они ощущают значительное повышение давления, которое воздействует на самый, пожалуй, чувствительный орган тела – внутреннее ухо. Но я планирую выполнить погружение таким образом, что мы не будем ощущать никакого повышения давления. Мы будем опускаться в стальной клетке со стеклянными окнами с каждой стороны для удобства наблюдения. Если давление окажется не таким большим, чтобы смять листы из упрочненной дважды никелированной стали толщиной в полтора

дойма, тогда оно не сможет повредить и нам. Это продолжение эксперимента братьев Вильямсонов из Нассау, с которым, вне сомнения, вы знакомы. Если мой расчет ошибочен, – что ж, вы ведь сами сказали, что вам никого не нужно содержать. Тогда мы погибнем в великом приключении. Конечно, если вы предпочтете устранимся, я могу пойти и один.

План этот показался мне безумнейшей авантюрой, и все же, ты знаешь, как трудно не принять вызов. Я тянул с ответом, раздумывая.

– Как глубоко вы хотите опуститься, сэр? – спросил я.

На столе у него была развернута прикрепленная кнопками карта, и он поставил ножку своего циркуля в точку, лежащую на юго-запад от Канарских островов.

– В прошлом году я проводил уже в этой части океана небольшое зондирование, – сказал он. – Там впадина большой глубины. Мы получили там результат в двадцать пять тысяч футов. Я был первый, кто сообщил об этом. Я, конечно же, уверен, что на будущих картах вы будете находить это место под названием «Впадина Маракота».

– Но, боже мой, сэр! – воскликнул я, – неужели вы хотите совершить погружение в такую бездну??

– О, конечно же, нет! – ответил он, улыбаясь. – Ни наша погружная цепь, ни наши воздушные трубки не позволят опуститься ниже полумили. Но моя задача лишь в том, чтобы показать вам, что эту глубоководную трещину, которая, несомненно, образовалась очень давно в результате действия вулканических сил, окружает неравномерный горный хребет или узкое плато, которое находится на глубине не более трехсот морских саженей.

– Триста саженей! Это треть мили!

– Да, грубо говоря, треть мили. И теперь я намерен опуститься в нашей маленькой герметичной обзорной станции на эту подводную банку. В ней мы будем проводить любые наблюдения, какие только возможно. Переговорная трубка будет соединять нас с кораблем, так что мы сможем давать наверх наши указания. Никаких трудностей возникнуть не должно. Как только мы захотим подняться наверх, нам нужно будет всего лишь сказать об этом.

– А воздух?

– Воздух будет закачиваться по трубке к нам.

– Но там же будет крошечная тьма.

– Это представление, боюсь, однозначно соответствует действительности. Эксперименты Фола и Сарасина на Женевском озере показывают, что даже ультрафиолетовые лучи не проникают на такую глубину. Но разве это проблема? Мы будем обеспечены мощным электрическим освещением от двигателей корабля, а также дополнительно от шести двухвольтовых сухих элементов «Хеллесенс», соединенных вместе, которые будут давать ток в двенадцать вольт. Помимо всего этого в нашем распоряжении будет еще армейская сигнальная лампа Лукаса в качестве переносного светильника. Еще какие трудности вы видите?

– Что, если наши воздушные трубки запутаются?

– Они не запутаются. И в качестве резерва у нас есть сжатый воздух в баллонах, которого нам хватит на двадцать четыре часа. Ну, так что, я удовлетворил вас? Пойдете со мной?

Это было непростое решение. Мысль работала быстро, а воображение живо рисовало картины ужасов. Я как будто видел перед собой эту черную коробку в первозданных глубинах, ощущал этот спертый, уже побывавший в чьих-то легких воздух, а потом увидел, как начинают прогибаться внутрь металлические листы стен, разрываясь на стыках, и как через каждый такой разрыв и дыры от заклепок начинает бить вода, постепенно заливая пол, поднимаясь снизу. Это была медленная, жуткая смерть. Но тут я поднял глаза и увидел перед собой старика с горящими глазами, пристально глядящими на меня с восторгом мученика, готового положить себя на алтарь Науки. Он очень заразителен, такого рода энтузиазм, и даже если он и безумен, то, по крайней мере, благороден и бескорыстен. И я, воспламенившись от его большого огня, вскочил на ноги и протянул ему руку.

– Доктор, я с вами до конца, – сказал я.

– Я знал это, – сказал он. – Ведь вовсе не из-за ваших отрывочных познаний в науке я выбрал вас, мой юный друг, – добавил он, улыбаясь, – и также не из-за вашего глубокого знакомства с пелагическими крабами. Есть другие качества, которые могут принести больше практической пользы, и это верность и мужество.

Получив, таким образом, этот маленький кусочек сахара, я был отпущен; будущее мое отныне мне не принадлежало, а весь мой уклад жизни полетел в тартарары. Уже отходит последняя береговая шлюпка. Зовут сдавать почту. Одно из двух, дорогой Тэлбот: ты или больше никогда не получишь от меня никакой весточки, или получишь письмо, которое будет достойно чтения. Если окажется верным первый вариант, можешь взять плавающий надгробный камень и бросить его приблизительно в районе к югу от Канарских островов с надписью:

«Здесь, или около этого места, покоится то, что рыбы оставили от моего друга, САЙРЕСА Д. ХЕДЛИ».

Второй документ, лежащий в коробке, представляет собой неразборчивую радиограмму, которая была перехвачена несколькими судами, в том числе королевским почтовым пароходом «Арройя». Она была получена в три часа пополудни третьего октября 1926 года, из чего видно, что она была отправлена всего через два дня после того, как «Стрэтфорд» отплыл из Гран-Канарии, как следует из первого письма, и это примерно соответствует тому времени, когда норвежский барк наблюдал уход под воду парохода, попавшего в бурю за две сотни миль к юго-западу от Порты-де-ла-Лус. Вот ее текст:

«Лежим на боку. Боимся, положение безнадежное. Уже потеряли Маракота, Хедли, Скенлена. Ситуация необъяснимая. Платок Хедли кончился провод глубоководного лота. Да поможет нам Бог! Пароход «Стрэтфорд».

Это было последнее бессвязное сообщение, которое поступило от злосчастного судна, частью настолько странное, что это было истолковано как бред телеграфиста. Оно, однако, не оставляло никаких сомнений относительно судьбы корабля.

Объяснение, если это можно принять за объяснение, произошедшего должно находиться в тексте, который скрыт внутри стекловидного шара, и первое, что было бы хорошо сделать, – обогатить подробностями то очень краткое сообщение об обнаружении этого шара, которое появилось ранее в прессе. Привожу дословно отрывок из бортового журнала «Арабеллы Ноулс», владелец Эймос Грин, совершавшего трансатлантический рейс из Кардиффа в Буэнос Айрес:

«Среда, 5 янв. 1927 г, шир. 27.14, долг. 28 зап. Погода тихая. Небо чистое с низкими скоплениями перистых облаков. Море как стекло. После двух ударов рынды ночной вахты первый офицер доложил, что видел, как высоко над морем поднялся какой-то сверкающий объект, а потом упал в море. Он подумал было, что это какая-то неизвестная рыба, но, присмотревшись через очки, он заметил, что это был какой-то серебряный шар, который был настолько легким, что весь лежал на поверхности воды, не погружаясь даже частично. Послали за мной и я увидел, что это был шар размером с футбольный мяч, который ярко светился на расстоянии около полумили от траверзы нашего правого борта. Я выключил двигатели и приказал приготовить баркас под руководством второго помощника капитана, который подобрал эту штуковину и доставил на борт.

«При ближайшем рассмотрении оказалось, что это шар, сделанный из какого-то очень прочного стекла, заполненный веществом настолько легким, что при подбрасывании он плавал в воздухе, как детский воздушный шарик. Он был почти прозрачным, и внутри него просматривался какой-то предмет, похожий на бумажный свиток. Материал этого шара, однако, был настолько прочным, что мы долго ничем не могли разбить его, чтобы добраться до содержимого. Молоток его не брал, и только когда главный инженер подставил его под поршень двигателя, мы смогли раздавить его. Однако, к моему сожалению, он рассыпался на множество

мельчайших сверкающих осколков, среди которых невозможно было найти ни одного достаточно крупного, чтобы его можно было изучить. Однако сам бумажный свиток мы достали и, рассмотрев его и поняв, что он имеет очень важное значение, мы спрятали его с намерением передать британскому консулу, когда войдем в устье реки Ла Плата. Я – моряк с тридцатипятилетним стажем, вырос и воспитан на море, и повидал многое, но это – самая странная находка из всех, какие встречались в моей жизни; и так говорят все моряки на этом корабле. О том, что все это может значить, пусть думают более светлые головы, чем моя».

Вот все, что можно сказать об обстоятельствах обретения этого отчета Сайреса Хедли, который мы теперь приведем в точности так, как он написан:

Кому я это пишу? Ну, вообще-то, можно сказать, что всему свету, однако, поскольку это слишком уж неопределенный адресат, я посвящаю это послание моему другу сэру Джеймсу Тэлботу из Оксфордского университета по той причине, что мое предыдущее письмо было также адресовано ему, и, следовательно, данное письмо может рассматриваться как продолжение. Я уверен на девяносто девять процентов, что этот шар, даже если он увидит свет божий и не будет проглочен акулой во время всплытия, будет болтаться по волнам и никогда не привлечет взгляд ни одного моряка ни на одном проходящем мимо корабле, и все же пробовать стоит, и Маракот вот уже отправляет вверх еще один, так что, может быть, нам и удастся поведать миру о нашей удивительной истории. Поверит ли мир нашим словам, это уже, я думаю, другой вопрос, но когда люди посмотрят на этот шар с его прозрачной оболочкой и обратят внимание на левитационный газ левиген, которым он заполнен, они наверняка сами догадаются, что имеют дело с чем-то необычайным. По крайней мере, ты, Тэлбот, не выбрасывай эту бумагу, не прочитав прежде.

Если кто-то захочет узнать, как все это начиналось и что мы пытались делать, информацию обо всем этом он может найти в письме, которое я написал тебе 1-го октября прошлого года, в ночь перед тем, как мы вышли из Порты де ла Лус. Боже мой! Если бы я знал, что нам предстоит пережить, думаю, я бы улизнул с корабля на береговую шлюпку в ту ночь. А впрочем, нет: даже если бы я знал, с чем нам придется столкнуться, я бы все равно остался рядом с Доктором и прошел бы весь путь вместе с ним до конца. Если бы можно было вернуть все назад, я нисколько не сомневаюсь, что поступил бы именно так.

Итак, я продолжу описывать мои приключения, начиная с того дня, когда мы вышли из Гран-Канарии.

Как только мы отошли от порта, старик Маракот вдруг превратился в вулкан кипучей деятельности. Время для активных действий, наконец, настало, и вся до сих пор сдерживаемая энергия его вмиг вырвалась наружу столбом яркого пламени. Говорю вам, он, почти как пират, захватил весь этот корабль вместе со всеми и всем, что на нем и в нем было, и подчинил все это своей воле. Сухой, скрипучий, вечно рассеянный ученый вдруг куда-то исчез, и на его месте появилась человекоподобная электрическая машина, поскрипывающая от избытка жизненной энергии и дрожащая от огромной движущей силы, заключенной у нее внутри. Глаза его сверкали под стеклами очков, как языки пламени в фонаре. Он, казалось, присутствовал везде и сразу: рассчитывал расстояния на своей карте, сопоставлял расчеты со шкипером, гонял Билла Скенлена по разным поручениям, давал мне сотни каких-то странных заданий, однако во всем этом просматривалась четкая система и определенная цель. Он неожиданно обнаружил познания в электричестве и механике и много своего времени посвящал работе с оборудованием, которое Скенлен под его руководством теперь внимательно собирал.

– Клянусь вам, мистер Хедли, это что-то невероятное! – сказал Билл на следующее утро. – Вот зайдите сюда и вы убедитесь сами. Наш Доктор не выходит отсюда и просто дока в механике.

Когда я заглянул внутрь стальной клетки, у меня возникло малоприятное чувство, что я заглядываю в свой собственный гроб, но даже если он и станет моим гробом, то надо при-

знать, что гроб этот напоминает довольно приличный мавзолей. Пол был прикреплен скобами к четырем стальным стенам, в центре каждой из которых были высверлены круглые отверстия под иллюминаторы. В потолке был небольшой люк для проникновения в клетку сверху, и второй такой же находился в полу. Сама клетка была подвешена на тонком, но очень прочном стальном тросе, который был накручен на барабан и втягивался или вытягивался мощным двигателем, который мы применяли для наших глубоководных тралов. Трос этот, как я понял, был длиной около полумили, второй конец его был туго накручен на швартовые тумбы на палубе. Резиновые дыхательные трубки имели такую же длину; к ним был прикреплен телефонный провод, а также провод, по которому можно было подавать питание на электрические лампы внутреннего освещения от бортовых аккумуляторов, хотя у нас также имелся и независимый генератор.

Вечером того же дня двигатели остановились. Ртуть в барометре опустилась до низкой отметки, и черная туча, поднимавшаяся над горизонтом, предвещала скорую беду. Единственным судном, наблюдавшимся на горизонте, был барк под норвежским флагом, и мы заметили, что паруса у него были зарифленными, будто в ожидании бедствия. Пока же, однако, все было спокойно, и «Стрэтфорд» мягко скользил по темно-синей поверхности глубокого океана, на которой то тут, то там появлялись и исчезали белые шапки гребней волн, создаваемых пассатным ветром. Билл Скенлен зашел ко мне в лабораторию с лицом, выдававшим большее волнение, чем то, которое его беззаботный нрав когда-либо позволял ему показывать.

– Вы только послушайте, мистер Хедли! – сказал он, – Они опустили эту штуковину в колодец в днище корабля! Вы знаете, что Босс будет погружаться в ней?

– Конечно, знаю, Билл. – И я погружаюсь вместе с ним.

– Нет, ну вы точно ненормальные, причем оба! Это ж надо такое придумать! Но я перестану себя уважать, если отпущу вас одних.

– Тебе там нечего делать, Билл!

– Как это «нечего делать»? Как раз наоборот! К тому же, я точно стану весь желтый от зависти, как китаец, если отпущу вас одних. «Меррибэнкс» отправила меня сюда, чтобы присматривать за оборудованием, а если оборудование это будет работать на дне моря, тогда, ясное дело, я тоже должен быть на дне вместе с ним. Билл Скенлен должен всегда быть там, где будут эти стальные отливки, даже если все вокруг него – сумасшедшие: такое мое последнее слово!

Спорить с ним было бесполезно, поэтому наш маленький клуб самоубийц пополнился еще одним членом, и мы молча стали ждать дальнейших распоряжений.

Всю ночь мы напряженно работали над креплениями, и только около времени первого завтрака мы спустились в трюм, готовые к нашему приключению. Стальная клетка была опущена во второе дно наполовину; перед клеткой стоял капитан Хоуи и со скорбным лицом пожимал руку каждому из нас, когда мы проходили мимо него и спускались по одному через верхний люк клетки, который потом за нами закрыли и закрепили болтами. После этого нас опустили в клетке еще на несколько футов, затем над нашими головами закрыли затвор и пустили воду, чтобы проверить, насколько мы на самом деле способны к плаванию. Клетка выдержала испытание хорошо: все стыки плотно прилегали друг к другу и не было ни малейшего признака течи. Потом была ослаблена донная створка в трюме и мы повисли в воде океана под килем.

Это была на самом деле очень уютная комната, и я был поражен предусмотрительностью и мастерством, с которыми все в ней было устроено. Электрическое освещение не было включено, но почти тропическое солнце светило ярко, проникая сквозь бутылочно-зеленую воду в каждый иллюминатор. Стайки мелкой рыбешки проблескивали то тут, то там серебристыми полосками на фоне зеленой воды. Вдоль стен вокруг этой маленькой комнаты была устроена скамейка, над которой были закреплены циферблатный глубиномер, термометр и прочие приборы. Под скамейкой располагались в ряд баллоны, представлявшие собой наш резервный

запас сжатого воздуха на случай, если с трубками, соединяющими нас с кораблем, что-то случится. Эти трубки открывались над нашими головами, и рядом с ними висело переговорное устройство. Скорбный голос капитана донесся до слуха каждого из нас.

– Вы на самом деле твердо решили опускаться? – спросил он.

– С нами все хорошо, – ответил Доктор с нетерпением. – Опускайте медленно и поручите кому-то дежурить у приемника непрерывно. Я буду сообщать обстановку. Когда мы достигнем дна, ничего не предпринимайте до получения моих инструкций. Слишком быстро опускаться трос не следует – он может не выдержать рывков; медленное опускание со скоростью пары узлов в час будет вполне в пределах его прочности. А теперь даю команду: «Трави-и-ть!»

Слово это он выкрикнул пронзительным, срывающимся голосом сумасшедшего. Это был величайший момент в его жизни, – момент исполнения всех так долго вынашиваемых им мечтаний. На какое-то мгновение я даже содрогнулся от мысли, что мы оказались в заложниках у хитрого, умеющего внушать к себе доверие маньяка. Билла Скенлена посетила та же мысль, так как он посмотрел на меня с грустной ухмылкой и коснулся рукой лба. Однако после этого неожиданного и неистового взрыва эмоций наш руководитель так же неожиданно и мгновенно вернулся к своей обычной, трезвой, выдержанной манере держать себя. И в самом деле, достаточно было лишь взглянуть на тот порядок и продуманность, которые проявлялись в каждой мелочи вокруг нас, чтобы убедиться в силе его ума.

Но теперь все наше внимание было поглощено теми удивительными новыми ощущениями, которые доставлял нам каждый миг пребывания в этой клетке. Клетка медленно опускалась в глубины океана. Светло-зеленая вода стала темно-оливковой. Затем этот цвет сменился удивительным по красоте темно-синим, который постепенно сгустился до темно-лилового. Мы погружались все глубже и глубже: сто футов, двести футов, триста. Клапаны работали идеально. Наше дыхание было свободным и естественным, как на палубе корабля. Стрелка глубиномера медленно поворачивалась вокруг светящегося циферблата: четыреста футов, пятьсот, шестьсот...

– Как вы там? – прогремел беспокойный голос сверху.

– Лучше некуда, – прокричал Маракот в ответ. Но света уже не хватало. Теперь через иллюминаторы проникал только тускло-серый сумеречный свет, который быстро угас и сменился крошечной тьмой.

– Сто-оп! – прокричал наш главный. Мы перестали опускаться и повисли на глубине в семьсот футов от поверхности океана. Я услышал щелчок выключателя, и в тот же миг клетка оказалась залитой мощным ярким светом, который полился наружу через все наши боковые иллюминаторы, вонзаясь длинными тусклыми лучами в бездну воды вокруг нас. Мы сидели каждый у своего иллюминатора, буквально прикованные к его толстому стеклу, пристально всматриваясь в то, что никогда еще не открывалось человеческому глазу.

До сих пор мы могли судить о том, что происходит в этих слоях, лишь по внешнему виду тех немногих рыб, которые были либо слишком неповоротливыми, чтобы уйти от нашего неуклюжего трала, либо слишком глупыми, чтобы увильнуть от нашего невода. Теперь же мы созерцали этот удивительный подводный мир таким, какой он на самом деле. Если целью творения было создание человека, тогда странно, почему океан населен гораздо больше, чем суша. Бродвей в субботу вечером, Ломбард-стрит после рабочего дня гораздо менее насыщен жизнью, чем эти огромные морские просторы, открывавшиеся перед нами. Мы уже прошли те околоповерхностные слои, где рыба или бесцветна, или переливается сверху морскими оттенками ультрамарина, а снизу – серебристая. Здесь уже плавали существа всех мыслимых оттенков и форм, какие только может явить пелагическая жизнь. Нежные лептоцефалиды, или личинки угрей, тонкими полосками полированного серебра пронзали туннель из яркого света. Медлительные змееподобные формы муроены – глубоководной миноги – извивались и изгибались совсем рядом; черные цератии, не имеющие ничего, кроме игл и рта, разевали свой глупый

рот на наши приклеенные к иллюминаторам лица. Иногда проплывала толстая каракатица, глядя на нас своими почти человеческими зловещими глазами, иногда – некая прозрачная, как стекло, пелагическая форма жизни – цистома или глаукус, придавая дополнительное очарование наблюдаемой нами картине. Один громадный каранг, или атлантический тунец, отчаянно бился о стекло нашего иллюминатора, пока темная тень от семифутовой акулы не накрыла его, и он исчез в ее зияющей пасти. Доктор Маракот сидел в полном восторге с тетрадью на коленях, строча в ней мелким почерком свои наблюдения и бормоча себе под нос научные комментарии по поводу увиденного. «Что это? Что?? – доносилось до моего слуха. – Ах, да, *chimoera mirabilis*, описанная Майклом Сарсом. Боже мой! Да это же лепидион, только какой-то новый вид, насколько я могу судить. А посмотрите на этого макруруса, мистер Хедли! Его окрас совершенно отличен от того, какой попадал к нам в сети». Только один раз он был по-настоящему захвачен врасплох и не знал, что сказать. Это было тогда, когда какой-то длинный овальный объект пролетел с большой скоростью мимо его иллюминатора в потолке, оставив позади себя колеблющийся след, который простирался так далеко над и под нами, как только мог видеть глаз. Я, признаюсь, на какой-то миг был так же озадачен этим, как и Доктор, и только Билл Скенлен разрешил эту загадку.

– Я так думаю, что этот болван Джон Суини поднял свой лот-линь, протянув его рядом с нами. Скорее всего, ради шутки, чтобы нам нескучно было.

– А ведь точно! Точно! Это лот-линь! – сказал Маракот, хихикая. – «Лот-линь длинно-хвостый» – новый вид (запомните, мистер Хедли!) с хвостом из фортепианной проволоки и лотом вместо носа. Однако, если серьезно, то на самом деле очень важно, чтобы они продолжали прозвучивать дно, чтобы нас удерживать точно над банкой, так как размер ее невелик. Отлично, Капитан! – крикнул он. – Теперь можете нас бросать.

И мы пошли ко дну. Доктор Маракот отключил электрический свет, и все вокруг еще раз погрузилось в кромешную тьму, кроме светящегося циферблата глубиномера, который мерно тикал, отмечая наше равномерное падение. Клетку немного качнуло, и только из этого мы смогли понять, что опускаемся. Только движущаяся стрелка на циферблате напоминала нам о нашем ужасающем, нашем непредставимом местонахождении. Мы уже находились на глубине в тысячу футов, и воздух в помещении стал явно тяжелым. Скенлен смазал клапан отводной трубки, и дышать стало легче. На глубине тысяча пятьсот футов мы остановились и зависли посреди океана с иллюминаторами, сияющими от вновь включенного освещения. Вдруг мимо нас проплыла какая-то большая темная масса, но что это было: меч-рыба, глубоководная акула или монстр неизвестного происхождения, – это определить мы уж никак не могли. Доктор поспешно отключил электричество.

– Вот откуда исходит наша главная опасность. – сказал он, – На глубине обитают существа, обладающие электрическим зарядом такой силы, что выдержать его наша маленькая клетушка имеет не больше шансов, чем пчелиный улей – устоять перед бегущим носорогом.

– А киты? – спросил Скенлен.

– Киты могут погружаться на большую глубину, – ответил гуру науки. – Известен случай, когда гренландский кит размотал канат чуть ли не на милю в вертикальном нырянии. Но обычно, если кит не ранен или не напуган чем-то очень сильно, он не ныряет так глубоко. Это мог быть гигантский кальмар: их находят на любой глубине.

– Ну, я думаю, кальмары слишком мягкие, чтобы повредить нам. Вот бы посмеялся кальмар, если бы смог пробить своей клешней дыру в никелированной стали фирмы «Меррибэнкс».

– Тела их хоть и мягкие, – ответил Профессор, – но клюв большого кальмара пробивает дыру в железном бруске, а один удар этого клюва прошивает эти окна толщиной в один дюйм как пергамент.

– Пше-е-л! Только тихо! – вскричал Билл, когда мы возобновили наш спуск.

И вот, наконец, весьма мягко и плавно мы остановились. Толчок был настолько мягким, что мы вряд ли ощутили бы его, если бы не зажегся свет и не осветил через иллюминаторы большие витки троса, обвивавшие нашу клетку. Трос этот представлял опасность для наших дыхательных трубок, так как мог их запутать, и по срочной команде Маракота его еще раз подтянули с корабля. Стрелка циферблата показывала тысячу восемьсот футов. Мы лежали неподвижно на вулканической гряде на дне Атлантического океана.

Глава 2

На какое-то время, я думаю, нас всех охватило одно и то же переживание. Мы ничего не хотели ни делать, ни видеть. Мы хотели просто сидеть неподвижно, пытаясь осознать уникальность нашего местонахождения, а именно, что мы сейчас сидим неподвижно в самом сердце одного из великих океанов мира. Но вскоре необыкновенный пейзаж вокруг нас, освещаемый во всех направлениях лучами наших ламп, заставил нас припасть к окнам иллюминаторов.

Мы сели в высокие водоросли («*Cutleria multifida*», как определил Маракот), желтые стрелы которых неспешно колыхались вокруг нас от какого-то глубоководного течения, в точности как ветви от летнего ветерка. Они были не настолько длинными, чтобы полностью закрывать нам вид, хотя их большие плоские листья, темно-золотистые на свету, проплывали изредка перед нашими иллюминаторами. За ними виднелись холмы из какого-то черноватого похожего на шлак материала, которые были усеяны красивыми цветными созданиями, голотуриями, асцидиями, морскими ежами и иглокожими так плотно, как вряд ли когда-либо берег английской реки был усеян гиацинтами и примулами. Эти живые цветы моря, ярко-алые, багровые и нежно-розовые, были разбросаны в огромном множестве на этом черном, как уголь, фоне. То тут, то там из расщелин темных скал появлялись, оцетинившись, огромные губки, и несколько рыбок из средних глубин, которые сами казались яркими вспышками разного цвета, проносились молнией в круглом потоке льющегося от нас света. Мы восторженно вглядывались в эту сказочную картину, когда из трубы сверху донесся встревоженный голос:

– Ну, как вам дно? С вами все в порядке? Не задерживайтесь там слишком долго: барометр все время опускается, и это мне что-то не нравится. Воздуха вам достаточно? Может, что-то еще для вас сделать?

– Отлично, Капитан! – весело крикнул Маракот. – Мы долго здесь не пробудем. Вы заботитесь о нас хорошо. Мы чувствуем себя здесь уютно, как в нашей собственной каюте. А сейчас приготовьтесь перемещать нас медленно вперед.

Мы сели на дно в районе обитания светящихся рыб, и нам было интересно выключить наши лампочки, чтобы в полной, крошечной тьме, – тьме, в которой светочувствительная пластина могла провисеть целый час без единого следа даже ультрафиолетового луча на ней, – наблюдать за светящейся жизнью океана. Будто на черном бархатном занавесе во тьме виднелись маленькие точки сияющего света, перемещавшиеся вереницей и напоминавшие большой пассажирский пароход ночью, который посылает свой свет во тьму сквозь длинный ряд своих иллюминаторов. У одного устрашающего вида существа были светящиеся зубы, которые по-библейски скрежетали во внешней тьме. У другого были длинные золотистые антенны, а у третьего над головой было огненного цвета оперение. Светящиеся точки мерцали во тьме, насколько видел глаз, и каждое крохотное существо было занято своим делом и двигалось своим курсом так же строго, как ночной кэб-такси в театральный час-пик на Стрэнде. Вскоре нам снова включили свет, и Доктор начал записывать свои наблюдения морского дна.

– Даже такой глубины, на которой мы сейчас находимся, недостаточно для того, чтобы взять пробу хоть каких-нибудь типовых глубинных отложений, – сказал он. – Сейчас они полностью за пределами нашей досягаемости. Может, в другой раз, когда у нас будет более длинный трос...

– Ну, уж нет! – рявкнул Билл, – и не мечтайте!

Маракот улыбнулся.

– Вы скоро привыкнете к глубинам, Скенлен. Этот наш спуск не будет единственным.

– Типун вам на язык! – пробормотал Билл.

– Скоро он вам будет казаться таким же пустяком, как спуск в трюм «Стрэтфорда». Как вы можете заметить, мистер Хедли, основная порода здесь, насколько мы можем наблюдать ее

через густые заросли гидроидных и инфузорных губок, – пемза и черный базальтовый шлак, что указывает на древнюю вулканическую деятельность. Я на самом деле склонен думать, что это подтверждает мою гипотезу о том, что эта гряда – часть вулканической формации и что Впадина Маракота, – эти слова он произнес громко и отчетливо, будто смакуя их, – представляет собой внешний склон горы. Мне вдруг пришла в голову мысль, что было бы интересным экспериментом медленно переместить нашу клетку к самому краю этой Впадины, чтобы точно узнать, какая формация в том месте. Мы наверняка увидим там потрясающих размеров обрыв, почти отвесно уходящий в самые большие глубины океана.

Эксперимент показался мне опасным, так как кто может сказать, как далеко наш тонкий трос позволит нам перемещаться в сторону, выдерживая натяжение; однако для Маракота такого понятия, как опасность либо для него самого, либо для других, не существовало, когда предстояло сделать научное наблюдение. Я затаил дыхание, и то же самое, я заметил, сделал и Билл Скенлен в момент, когда по замедлившемуся перемещению нашего стального аппарата, легко до этого раздвигавшего колеблющиеся заросли морских водорослей, стало ясно, что трос достиг наибольшего натяжения. Надо сказать, что он выдержал его на славу, и очень мягко и плавно мы начали скользить по дну океана; Маракот с компасом в руке отдавал свои команды относительно курса, изредка приказывая приподнять аппарат, чтобы избежать очередное препятствие, возникавшее у нас на пути.

– Эта базальтовая гряда вряд ли будет шириной больше мили, – объяснил он. – По моим расчетам бездна находится к западу от той точки, где мы сели. С этой скоростью мы наверняка достигнем ее за очень короткое время.

Мы скользили без малейшего препятствия по вулканической равнине, облаченной в густое оперение из колышущихся золотистых водорослей, красоту которой придавали великолепные драгоценные камни природной огранки, пламенеющие в своей оправе из черного янтаря. Вдруг Доктор бросился к телефону.

– Сто-оп! – прокричал он. – Мы на месте!

Чудовищная бездна открылась внезапно перед нами. Это было страшное место, которое могло присниться только в кошмарном сне. Черные блестящие крутые скалы из базальта уходили отвесно вниз, в неизведанную бездну. Отроги их обрамлены были колеблющимися ламинациями подобно тому, как мох нависает над иным ущельем на поверхности земли, однако здесь, под этой подбрасываемой, колеблющейся окантовкой чернели только отвесные стены зияющей пропасти. Край каменистого обрыва извивался вдали от нас, однако пропасть могла иметь любую ширину, так как наши лампы не могли прорвать завесу мрака, стоявшего стеной перед нами. Когда сигнальную лампу Лукаса направили вниз, она испустила длинную золотую полосу из параллельных лучей, которые уходили все дальше и дальше в глубину, ни от чего не отражаясь, и там терялись во мраке страшной пропасти под нами.

– Это поистине удивительно! – воскликнул Маракот, всматриваясь в окно иллюминатора со свойственным только ему довольством на лице. – Что касается глубины, то нет нужды и говорить, что она не самая большая. Есть впадина Челленджера глубиной двадцать шесть тысяч футов возле Ладроновых островов; есть самая глубокая впадина на планете глубиной тридцать две тысячи футов возле Филиппин, и многие другие, однако Впадина Маракота, вероятнее всего, одна такая по крутизне склонов, а также примечательна тем, что до сих пор ускользала от наблюдения столь многих гидрографических экспедиций, которые составляли карту Атлантического океана. Вряд ли можно сомневаться в том, что...

Он запнулся на середине фразы и на лице его отобразилось чрезвычайное изумление и любопытство. Мы с Биллом Скенленом, всмотревшись из-за его плеча в ту же сторону, окаменели от того, что предстало пред нашими испуганными глазами.

Какое-то огромное существо поднималось вверх по туннелю света, который мы излучали в бездну. Далеко внизу, где оно хвостом своим уходило во тьму бездны, смутно виднелись

неясные черные очертания некоего чудовищного тела, изгибавшегося в медленном восходящем движении. С каждым неуклюжим гребком оно, смутно поблескивая, поднималось все выше и выше из глубины к краю обрыва. Теперь, когда оно приблизилось и оказалось в самом центре луча прожектора, мы смогли увидеть его страшные очертания более четко. Это был зверь, неведомый Науке, и вместе с тем похожий на многое из того, с чем мы были знакомы. Слишком длинный для огромного краба и слишком короткий для гигантского омара, своими очертаниями он больше напоминал лангуста с двумя чудовищными вытянутыми клешнями по бокам и парой шестнадцатифутовых антенн, колыхавшихся перед его черными, мутными, зловещими глазами. Панцирь его светло-желтого цвета имел в ширину где-то футов десять, а вся длина его, если не считать антенн, была, должно быть, не меньше тридцати.

– Чудесно! – воскликнул Маракот, при этом очень быстро строча в своей записной книжке. – Полустебельчатые глаза, гибкие ламеллы, семейство ракообразных, вид – неизвестен. Напишем: «ракообразные Маракота» – *Crustaceus Maracoti*: почему бы и нет? Звучит очень даже неплохо!

– Черт возьми! Как бы оно ни называлось, но, мне кажется, оно идет прямо на нас! – закричал Билл. – Скажите, Док, как вы смотрите на то, чтобы выключить свет, чтобы не светить?

– Еще минуточку! Я должен записать его сетчатое строение! – воскликнул натуралист. – Вот так! Теперь все! – Он нажал выключатель, и мы снова оказались в нашей плотной чернильной тьме, нарушаемой извне лишь малыми светящимися точками, пролетающими стремглав мимо иллюминаторов, как метеоры в безлунную ночь.

– Такого зверя мир еще не видывал, – сказал Билл, вытирая пот со лба. – Я чувствую себя, как утром после бутылки паленого виски.

– На него действительно страшно смотреть, – заметил Маракот, – и, наверное, также страшно иметь с ним дело, если бы нам на самом деле грозила опасность попасть в эти чудовищные когти. Но так как мы находимся внутри нашей стальной клетки, мы можем позволить себе изучать его безопасно и удобно.

Едва он произнес эти слова, раздался резкий звук как от удара киркой по нашей обшивке. За ним последовали длинные скрипы и скрежет, закончившиеся еще одним резким ударом.

– Эй, да он хочет войти! – вскричал Билл встревоженно. – Черт возьми, нам надо было написать на этой клетке снаружи «Вход запрещен»! Его дрожащий голос показывал, насколько натянутым было это его веселье, и у меня самого, признаться, задрожали колени, когда я увидел, что этот коварный монстр приблизился к нам настолько, что покрывает еще большей тьмой один за другим наши иллюминаторы, изучая эту странную для него раковину, в которой, если бы он смог ее расколоть, он нашел бы для себя еду.

– Он не может повредить нам, – сказал Маракот, однако в голосе его было уже меньше уверенности. – Может быть, нам действительно лучше стряхнуть этого зверя. – Он вызвал Капитана по переговорной трубе.

– Поднимите нас на двадцать или тридцать футов! – крикнул он.

Спустя несколько секунд мы поднялись над лавовой равниной и зависли в спокойной воде, слегка покачиваясь. Но этот страшный зверь был упрям. Через очень короткий промежуток времени мы услышали еще раз скрежет от прикосновения его щупалец и резкие постукивания его когтей, которые ощупывали нас вокруг. Было очень страшно сидеть молча в темноте, зная, что смерть так близка. Если этот мощный коготь ударит в стекло иллюминатора, выдержит ли оно удар? Это был вопрос, который мы молча задавали каждый сам себе.

Но вдруг открылась неожиданная и более реальная опасность. Постукивания перешли на крышу нашего маленького прибежища, и мы начали ритмично качаться вперед и назад.

– Боже правый! – вскричал я. – Он ухватил трос! Он его точно перекусит!

– Эй, Док! Я хочу уже на поверхность! Думаю, мы уже увидели то, что хотели увидеть, и теперь дом, милый дом зовет Билла Скенлена. Вызывайте подъемник и пусть нас поднимают.

– Но наша работа не сделана еще и на половину, – проворчал Маракот. – Мы только начали исследовать края этой Впадины. Давайте хотя бы узнаем, насколько широка она. Когда мы достигнем другой стороны ее, я буду согласен вернуться. – И сказал в трубу: – Все отлично, Капитан. Перемещайте нас со скоростью два узла, пока я не дам команду остановиться.

Мы стали медленно перемещаться над краем бездны. Поскольку темнота не спасла нас от нападения, мы теперь включили наши огни. Один из иллюминаторов был полностью закрыт чем-то, что было похоже на нижний желудок этого зверя. Его голова и огромные клешни шевелились над нами, и мы продолжали качаться, как звенящий колокол. Сила у этого зверя, должно быть, была огромная. Бывал ли когда-либо кто-либо из смертных в подобной ситуации, когда под тобой толща воды в пять километров, а над тобой – этот жуткий монстр? Колебания усиливались все больше и больше. Взволнованный крик донесся по трубе от Капитана, когда он понял, что кто-то дергает за трос, и в тот же миг Маракот вскочил, воздев руки кверху в отчаянии. Даже мы внутри капсулы услышали резкий звук рвущихся проводов, и через какое-то мгновение мы уже падали в великую бездну под нами.

Вспоминая сейчас тот страшный момент, я будто слышу опять тот страшный, дикий вопль Маракота: «Трос порвался! Сделать ничего нельзя! Мы все покойники!» – вопил он, хватаясь за переговорную трубку, и затем: «Прощайте, Капитан! Прощайте все!» Это были наши последние слова, обращенные к миру людей.

Наше падение на дно, однако, не было быстрым, как вы, возможно, себе представили. Несмотря на наш вес, наша полая клетка обладала некоторой плавучестью, благодаря чему мы погружались медленно и плавно в бездну. Я слышал длинный скрип от скользящих по обшивке когтей того чудовища, которое принесло нам гибель; затем скрип прекратился, и мы, плавно вращаясь, стали погружаться по спирали вниз, в бездонные глубины океана. Наверно, прошло не более пяти минут, которые нам показались целым часом, когда мы достигли предела нашего телефонного провода и порвали его, как нитку. Наша воздушная трубка порвалась почти в тот же момент, и соленая вода полилась струями через вентиляционные отверстия. Быстрыми, умелыми руками Билл Скенлен затянул шнурами каждую из резиновых трубок и остановил поток, а Доктор раскупорил наши запасы сжатого воздуха, который стал выходить с шипением из баллонов. Огни погасли в тот же момент, когда порвался провод, но даже во тьме Доктор смог подключить сухие элементы «Хеллесенс», благодаря которым зажглось несколько ламп на потолке.

– Нам их должно хватить на неделю, – сказал он, криво улыбаясь. – По крайней мере, умирать будем при свете. – Затем он грустно покачал головой, и дружелюбная улыбка изобразилась на его длинном лице. – Мне умирать не страшно. Я старый человек и сделал свое дело в мире. Единственное, о чем я жалею, – это то, что позволил вам, двум молодым еще парням, отправиться вместе со мной. Мне следовало идти на этот риск одному.

Я подошел и просто пожал ему руку, так как сказать мне было нечего. Билл Скенлен тоже хранил молчание. Мы медленно шли ко дну, отмечая это по темным теням рыб, которые проносились мимо наших иллюминаторов. Казалось, что все они летят вверх, а не что мы опускаемся вниз. Мы все еще качались, и я не видел ничего, что могло бы помешать нам упасть на дно, на бок или даже на крышу. Наш вес, однако, к счастью, был очень тщательно сбалансирован, и мы сохраняли горизонтальное положение. Посмотрев вверх на глубиномер, я увидел, что мы достигли уже глубины в одну милю.

– Вот видите: все именно так, как я и говорил, – заметил Маракот с некоторым удовлетворением. – Вы, возможно, читали мою статью в «Записках океанографического общества» о соотношении давления и глубины. Как бы мне хотелось сейчас сообщить миру об этом, хотя бы для того, чтобы опровергнуть Булова из Гиссена, который осмелился возражать мне!

– Черт возьми! Да если бы у меня была возможность сказать слово миру, я бы не тратил ее на какого-то высоколобого олуха, – сказал механик. – Живет одна птичка в Филадельфии, в глазках которой появятся слезы, когда она узнает, что Билл Скенлен скончался. Нет, что ни говорите, а все-таки это чертовски странный способ отдать концы!

– Все-таки вам не нужно было соглашаться идти вместе с нами, – сказал я, положив свою руку на его.

– Ну, и каким трусом я был бы после этого, если бы я отказался? – ответил он. – Нет, это моя работа, и я рад, что не отказался от нее.

– Сколько мы еще протянем? – спросил я Доктора после некоторой паузы.

Он пожал плечами.

– В любом случае у нас еще будет время, чтобы увидеть настоящее дно океана, – сказал он. – В баллонах наших воздуха хватит на большую часть суток. Проблема наша в выдыхаемом воздухе. Это то, что задушит нас. Если бы мы только смогли избавиться от нашего углекислого газа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.